

© 2018 г.

Г.В. ЦЫПКИН

ПЕРВОЕ ПОСОЛЬСТВО РОССИИ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ.

К 120-летию установления дипломатических отношений между Россией и Эфиопией

Цыпкин Георгий Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

История взаимных отношений России и Эфиопии (или Абиссинии, как называли эту страну в Европе вплоть до середины прошлого века) насчитывает не одно десятилетие. Первые сведения о намерении установить контакты с этой африканской страной возникли еще во времена царей Алексея Михайловича и Петра I. Однако по причине ряда разных обстоятельств они так и не были реализованы. Да и что знали тогда в России об этой далекой и диковинной стране? Разве что часть тех легенд и мифов, которые имели хождение в средневековой Европе и в том или ином виде проникли в Россию.

Автор известной книги об истории падения и развала Римской империи Гиббон отмечал, что «окруженные со всех сторон своими религиозными противниками, эфиопы проспали почти тысячу лет, забыв об остальном мире, который в свою очередь тоже забыл об их существовании». На протяжении многих столетий средневековую Европу будоражили легенды о загадочном христианском государстве, расположенном где-то на восточном побережье Африканского континента. Немало смельчаков отправлялись на поиски «царства священника Иоанна». Воображаемый образ Эфиопии находил место на страницах произведений географов, историков и писателей. Представления об этой стране несколько конкретизировались (хотя и не полностью) после выхода в свет в Европе в 1681 г. первой книги об Эфиопии¹.

Новый всплеск интереса в России к Эфиопии относится к последним десятилетиям XIX в., причем основывался он прежде всего на осознании в русском обществе религиозной близости обеих стран. Много для этого сделал архимандрит Порфирий Успенский².

К концу XIX в. в результате империалистической «схватки за Африку» практически вся территория Африканского континента оказалась поделенной между ведущими западноевропейскими державами. Независимость сохраняла лишь Эфиопия, отстоявшая в вооруженной борьбе с Италией свою территориальную целостность и политический суверенитет. Страна оказалась в кольце колониальных владений Великобритании, Франции и Италии, но сохранила за собой право вести независимую внешнюю политику.

До установления российско-эфиопских дипломатических отношений в Эфиопии побывало несколько русских экспедиций, деятельность которых позволила расширить представления об этой стране и способствовала сближению обоих народов.

---

¹ *Ludolfus I. Historia Aethiopica, sive brevis et succinta discriptio Regni Habessinorum, quod vulgo male Presbyteri Iohannis vocatur. Francofurti ad Moenum, 1681.*

² Подробнее об этом см. *Цыпкин Г. В. Русские медики в Эфиопии. У истоков отношений двух стран. – Новая и новейшая история, 2017, № 4.*

Упоминания заслуживают, в частности, экспедиции А. В. Елисеева, Н. С. Леонтьева, К. С. Звягина. Особо следует отметить усилия в установлении русско-эфиопских дипломатических отношений поручика В. Ф. Машкова, который стал своеобразным почтальоном между императорами Эфиопии и России.

Поручик Карского батальона (свои отчеты он подписывал как «поручик запаса армейской пехоты») В. Ф. Машков, судя по всему, всерьез заинтересовался Эфиопией. В докладной записке в Военно-учебный комитет Главного штаба он, в частности, писал: «Начиная с 1886 г. русское общество и печать стали интересоваться Абиссинией как страной нам единойверной и нам симпатизирующей... Но сведений об Абиссинии у нас почти не было... Известия, почерпнутые из иностранных, и особенно итальянских, источников, не заслуживали доверия, как очевидно пристрастные и намеренно искаженные... Возникла настоятельная необходимость серьезно ознакомиться с Абиссинией и получить о ней сведения положительные»³.

В декабре 1888 г. Машков имел ряд бесед в военном министерстве. Он четко изложил свои взгляды относительно важности установления отношений с Эфиопией и высказал желание получить командировку в эту африканскую страну. Судя по всему, он произвел на собеседников благоприятное впечатление. Вскоре он был принят самим военным министром, который через несколько дней в письме на имя императора Александра III просил поддержать намерения Машкова. Царь не возражал против такой командировки, но высказал пожелание, чтобы Машков выступал как частное лицо без всяких официальных полномочий. После ряда согласований Машков получил от военного министерства необходимые денежные средства и в 1889 г. отправился в дорогу.

Добравшись до Африканского континента, он в прибрежном местечке Обак сформировал небольшой караван и выступил в пустыню к городу Харэру. Там он должен был получить разрешение негуса продолжить путь. Ждать пришлось около двух месяцев. Как только разрешение было получено, он двинулся в город Анкобер, где провел около трех месяцев, ожидая из России ружей для подарков при дворе. Груза он не дождался, но получил любезное приглашение Менелика посетить его в Антото, в дождливое время там располагалась резиденция негуса.

Как только Машков прибыл, Менелик назначил ему аудиенцию: «Принял он меня очень милостиво и прежде всего осведомился о здравии Его Императорского Величества и Августейшей фамилии, говорил о своих лично симпатиях и о симпатии всего народа к единоверной им России... Вступив на императорский престол, он думает писать Государю Императору, прося Его высокого покровительства и поддержки для развития военных сил страны и поднятия ее промышленной деятельности...

Между тем срок моего паспорта подходил к концу, средства иссякали, и я стал готовиться к отъезду... Негус вручил мне письмо к Государю Императору, и в середине октября, пробыв в Антото два месяца, я отправился обратно»⁴.

Интерес вызывают и те части донесения Машкова, в которых описывается отношение местного населения к России: «Симпатии к России там чрезвычайно велики, и не только среди христиан, но и между мусульманами арабами... Седые, фанатически нетерпимые ко всем европейцам священники, равно как и солдаты, при каждой встрече пытались целовать мои руки»⁵.

Результаты поездки Машкова в Эфиопию были достаточно высоко оценены в Петербурге. Впервые пусть и не официальный представитель России сумел побывать в стране, получить аудиенцию у императора Менелика, собрать сведения о стране и отношении как самого правителя, так и местного населения к России. За заслуги перед престолом и отечеством Машков был награжден орденом Святого Владимира IV

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 401, оп. 4, д. 56, л. 54.

⁴ Там же, л. 55.

⁵ Там же.

степени. Александр III принял его в Аничковом дворце, позднее состоялась встреча с наследником престола, которому Машков передал подарки от Менелика⁶.

О симпатиях эфиопов к России говорилось и в письме Менелика: «С давних пор Эфиопия, являясь страной одной и той же веры, желает установить братские и дружественные связи с великим государством Московским. Мы, являясь православной страной, чувствуем поддержку, оказываемую нам Царем Царей Московии, и выражаем надежду, что государство Московское и дальше будет оказывать нам помощь. Мы знали, что везде в Европе прислушиваются к Вашим советам и голосу. Сами Вы, как и Ваш народ, нам очень дороги, о чем мы объявили в письме, данном офицеру Вашей доблестной армии Виктору Машкову... Я же от имени Бога и престола царя царей буду рад возобновить нашу давнюю дружбу...

Спешу выразить Вам свои сердечные пожелания и известить Вас об этом. Пусть даст Вам Бог долгие годы жизни и здоровье. Да удвоится Ваше войско⁷.

Необходимо было отправить ответное письмо императору Менелику и хоть и не сразу, но было принято решение командировать в 1891 г. В. Машкова в Эфиопию с новым поручением. На сей раз подготовке поездки было уделено много больше внимания, чем предыдущей: были выделены значительные средства – около 35 тыс. рублей, передано 509 ящиков подарков для Менелика и его приближенных. Кроме того, экспедиция Машкова получила 110 ружей, 35 револьверов, 15 драгунских шашек, 35 ящиков ружейных патронов, 3 ящика револьверных патронов и 7 походных палаток⁸.

Накануне отъезда Машков получил от министра иностранных дел Н. К. Гирса секретную инструкцию. В ней, в частности, говорилось: «Мало доступная до сих пор для внешних вторжений Абиссиния в силу физических условий поставлена в совершенно изолированное положение. С севера, с запада и с юга она граничит со степями, мусульманское население коих ей открыто враждебно, а с востока она прилегает к побережью Красного моря, поделенному между Италией, Францией и Англией. Ввиду этого сношения Абиссинии с остальным миром и, между прочим, и торговые отношения, без которых страна эта не может развиваться, находятся в зависимости от благоусмотрения прибрежных Держав.

Совокупность этих соображений побуждает нас придать Миссии вашей совершенно частный характер.

Соблюдая необходимую сдержанность, Вы должны исключительно ограничивать роль зоркого наблюдателя и особенно осторожно относиться к той части Вашей задачи, которая касается собрания сведений об отношениях Абиссинии к ее соседям.

Деятельность Ваша не должна подавать никакого видимого повода к предположению, что Вы отправились в Абиссинию не как частное лицо, и правителям страны этой на все заявления, кои они могут Вам сделать по вопросам политическим, Вы неизменно должны отвечать, что Вы решительно уклоняетесь от обсуждения этих щекотливых вопросов и желали бы содействовать установлению дружеских отношений между ними⁹.

Неоднократно напоминая Машкову, что он выступает как частное лицо, МИД стремился избежать возможных осложнений, памятуя о печальном исходе экспедиции Николая Ашинова в Эфиопию в 1886–1889 гг. Казачий атаман, он возглавил несколько сотен добровольцев, согласившихся поселиться на Африканском континенте, высадился неподалеку от принадлежавшего французам местечка Обок и основал там станицу «Новая Москва». Французские колониальные власти потребовали

⁶ Морозов Е. В. Внешняя политика Эфиопии и русско-эфиопские отношения в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2007, с. 76.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 2005, л. 27.

⁸ Хренков А. В. Россия – Эфиопия: становление двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М., 1992, с. 62.

⁹ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2008, л. 71–73.

ликвидировать поселение и убраться восвояси. Поселенцы отказались. Тогда станицу обстреляли палубной артиллерией французского корабля. Несколько ашиновцев, включая женщин и детей, погибли, остальных арестовали, а затем депортировали в Россию.

Тогда российской дипломатии сравнительно легко удалось замять дело, тем более что это отвечало политическим интересам Франции, стремившейся укрепить отношения с Россией. Согласно официальной точке зрения МИД России, вся вина за происшедшее кровопролитие лежит на самом Ашинове, а учитывая нахождение среди поселенцев нескольких священнослужителей, экспедицию стремились представить как духовную миссию к «единоверным чернокожим братьям».

По решению Святейшего Синода вместе с Машковым отправлялась и духовная миссия: иеромонах Тихон и причетник Григорий. Им надлежало ознакомиться с особенностями вероучения эфиопской церкви и определить ее близость к Русской православной церкви. Однако в дороге они оба заболели лихорадкой и вернулись в Россию.

Несмотря на нежелание заинтересованных в поездке Машкова ведомств афишировать ее подготовку, о ней узнали наиболее недружественные в то время к России державы, Великобритания и Италия. Колониальные владения обоих государств граничили с Эфиопией. Италия вообще вынашивала планы о превращении этого независимого государства в свой протекторат. Поэтому проснувшееся внимание России к этой части Африки не могло их не беспокоить. Все более отчетливо вырисовывались перспективы русско-французского военно-политического союза, а Франция была соперницей Англии и Италии в районе Африканского Рога. В дневнике директора канцелярии МИД В. Н. Ламздорфа, в частности, говорится: «Экспедиция Машкова, хотя и чисто научная по характеру, практически преследовала политические цели. Французское и русское правительства неоднократно пытались усилить свое влияние в Абиссинии, в первую очередь для того, чтобы создать противовес замыслам итальянского империализма, и во вторую очередь... угрожать Верхнему Нилу и тем самым самому положению англичан в Египте»¹⁰.

После долгого перехода от побережья в глубь материка Машков добрался до столицы Эфиопии Аддис-Абебы. Как и в первый раз, ему был оказан торжественный прием, письмо императора России Менелик принял стоя, что было редкостью, обычно эфиопский монарх принимал послания из-за рубежа сидя. Текст письма был переведен для него незамедлительно. В частности, в нем говорилось следующее: «Посетивший в минувшем году Абиссинию поручик моей армии Виктор Машков доставил мне по прибытии в мою столицу дружественное письмо Вашего Величества...

Дошедшие до Вашего Величества сведения о живом сочувствии, коим пользуется в пределах моей Империи абиссинский народ, вполне обоснованы. Как я, так и мой народ, хотя и издалека, но с неизменным участием, всегда следили за всем, что совершалось в Абиссинии. Я всегда отдавал должную справедливость энергии и мужеству, с коим Абиссиния, окруженная иноверными врагами, отстаивала веру отцов и свою независимость. От души желаю, чтобы и дальнейшие попечения Ваши об обеспечении благоденствия Абиссинии и развития в ней цивилизации увенчались полным успехом.

Высказанное Вашим Величеством в письме ко мне желание вступить со мною в более близкие сношения вполне соответствуют моему собственному желанию. А по-сему я пользуюсь новой поездкою, предпринимаемую поручиком Виктором Машковым в Абиссинию, чтобы уведомить Вас, что я вполне ценю выраженные мне Вами дружественные чувства и радуюсь возможности сближения между русским и абиссинскими народами, исповедующими христианскую веру.

Так как Абиссиния весьма редко посещалась русскими путешественниками, почему внутренний быт страны этой мало известен в России, то на поручика Виктора Машкова возложено поручение доставлять моему Правительству возможно полные

¹⁰ Ламздорф В. Н. Дневник (1891–1892). М. – Л., с. 368.

сведения по этому предмету. Этим путем всего легче будет выяснить, в чем именно Россия могла бы оказать Абиссинии свое содействие...

За сим молю Всевышнего о благоденствии Вашего Величества и о ниспослании успеха всем Вашим благим начинаниям.

Вашего Величества добрый брат Александр»¹¹.

Самому Машкову второе путешествие в Эфиопию далось нелегко. Во время пребывания в Аддис-Абебе его на две недели свалил тиф, что ограничило возможности путешественника по реализации поставленных перед ним задач. Но главное задание было выполнено – впервые правитель Эфиопии получил послание от русского императора, в котором говорилось о намерении России развивать связи между двумя странами.

В Россию была доставлена новая корреспонденция от императора Менелика. В своем новом письме эфиопский монарх ставил Александра III в известность о том, что текст Уччиалийского договора, подписанный между Эфиопией и Италией в 1889 г., был сфальсифицирован итальянской стороной, на основании чего Италия объявила об установлении своего протектората над Эфиопией. Менелик объяснял неправомерность действий Рима и просил русского царя поддержать его позицию пока еще только в дипломатическом противоборстве с Италией. Второе письмо Менелика было адресовано военному министру П. С. Ванновскому. В нем содержалась просьба о присылке в Эфиопию русских военных инструкторов. Кроме того В. Машков доставил в Россию и письмо от ближайшего сподвижника императора раса Мэконнына наследнику престола великому князю Николаю, в котором содержался призыв о поддержке России в противостоянии Эфиопии колониальным устремлениям западных держав¹².

Следует отметить, что еще до получения письма Менелика о притязании Италии на суверенитет Эфиопии, исходя из своей трактовки Уччиалийского договора, Россия заняла твердую и однозначную позицию по данному вопросу. В телеграмме русскому представителю на Брюссельской конференции 1890 г. говорилось: «Ввиду того, что договор между Италией и Менеликом состоялся без нашего согласия, мы отказываемся признать протекторат Италии над Эфиопией»¹³.

Скорее всего, в Эфиопии не знали ни о Брюссельской конференции, ни о занятой на ней позиции России. В противном случае Менелик непременно упомянул бы об этом в письме. В любом случае Россия, как и до установления русско-эфиопских дипломатических отношений, так и после, неизменно выступала в поддержку независимого развития Эфиопии.

Налаживанию русско-эфиопских связей способствовал приезд летом 1895 г. в Россию эфиопской дипломатической миссии. Визит не был согласован и для российской стороны явился событием совершенно неожиданным. Инициатором этой поездки стал Николай Леонтьев, русский отставной офицер, который отправился в Эфиопию на ловлю счастья и чинов. Находясь при дворе Менелика, он всячески давал ему понять, что, несмотря на статус простого путешественника, он имеет полномочия выступать как лицо официальное. Убеждая Менелика в необходимости отправить в Россию своих представителей, он скорее всего исходил из собственных интересов. Леонтьев же придумал и повод для поездки эфиопской миссии – возложение золотой короны на могилу почившего в 1894 г. императора Александра III. Несколько странно, что известный своей осторожностью эфиопский монарх поддался на уговоры и решил-таки отправить миссию в Россию. Скорее всего, перед угрозой со стороны Италии, готовой силой оружия установить свой контроль над Эфиопией, Менелик искал любой поддержки со стороны России.

¹¹ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2008, л. 54–56.

¹² Подробнее см. *Хренков А. В.* Очерк истории русско-эфиопских отношений (до 1917 г.). Сб. док. М., 1996, с. 9.

¹³ Цит. по: *Ламздорф В. Н.* Указ соч., с. 275.

В июне 1895 г. эфиопская дипломатическая миссия прибыла на корабле в Одессу. Во главе ее находились один из сановников негуса рас Дамтэу и епископ Харэра Гэбрэ-Ыгзиахер, официально же она состояла из шести человек.

Несмотря на несогласованный визит, было решено оказать незванным гостям радужный прием со всеми подобающими почестями. Уже в Одессе прямо на корабле эфиопскую миссию приветствовало все городское и церковное руководство во главе с градоначальником генерал-лейтенантом П. А. Зеленым. 20 июня в специальном поезде эфиопы отбыли в Москву, где были приняты верхушкой города, во главе с генерал-губернатором Москвы великим князем Сергеем Александровичем, специально прервавшего для этого отпуск¹⁴. Через несколько дней миссия добралась до Петербурга, где возложила золотую корону, украшенную драгоценными камнями, на могилу Александра III в соборе Петропавловской крепости.

Эфиопскую дипломатическую миссию разместили в гостинице «Европейская», и к ним тут же направились высокопоставленные визитеры: в частности заместитель обер-прокурора Синода В. К. Саблер, министр юстиции Н. В. Муравьев, министр внутренних дел И. П. Дурново, министр финансов С. Ю. Витте. В свою очередь члены миссии нанесли визит митрополиту Палладию, министру иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому и обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву.

30 июня эфиопских гостей принимал в Петергофе император Николай II. На аудиенции присутствовали члены императорского двора и свиты, весь прием был обставлен весьма торжественно и, без сомнения, произвел неизгладимое впечатление на непривыкших к подобной роскоши эфиопов. После обмена протокольными речами рас Дамтэу вручил Николаю II послание от Менелика, а также пожалованный ему высший в Эфиопии орден «Печать Соломона» с бриллиантами. Позднее эфиопскими орденами наградили ряд лиц, имевших отношение к организации и приему эфиопской миссии, среди них посол России в Турции А. И. Нелидов, градоначальник Одессы П. А. Зеленый, генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев и др.¹⁵

По сути дела произошел обмен наградами и подарками, о чем, в частности, свидетельствует «Высочайшее соизволение о награждении членов эфиопской миссии» от 4 июля 1895 г. В нем говорилось, что негусу Абиссинии Менелику II присужден орден Святого Александра Невского, украшенный бриллиантами; харэрскому вице-королю расу Маконену – орден Святой Анны 1-й степени, украшенный бриллиантами; чрезвычайному послу Его Величества негуса Абиссинии принцу Дамто, фитаурари (генерал-адъютанту) – орден Святого Станислава 1-ой степени. Награды получили и другие члены миссии и сопровождавшие их лица. В частности, епископу Гэбрэ-Ыгзиахеру по соглашению со Святейшим Синодом была пожалована панагия¹⁶.

19 июля эфиопская дипломатическая миссия погрузилась на корабль в Одессе и 6 августа прибыла в Александрию. Приезд эфиопов в Россию, хотя и несколько неожиданный для российского правительства, безусловно, сыграл важную роль в углублении отношений между обеими странами. Впервые лично император Николай II и представители российского истеблишмента встретились с полномочными представителями эфиопского монарха. В ходе многочисленных встреч и аудиенции у царя обе стороны выражали желание укреплять взаимоотношения. Сорок три дня находилась эфиопская миссия в России и каждый день эфиопы ощущали интерес к их стране и ее народу. По словам английского историка Ч. Есьмана, автора работы о русско-эфиопских отношениях, посольству никакой другой, даже европейской, державы в России не оказывали такого внимания¹⁷.

¹⁴ Подробнее см. *Морозов Е. В.* Указ. соч., с. 99.

¹⁵ Там же, с. 100–101.

¹⁶ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 136, л. 40.

¹⁷ *Jesman C.* The Russians in Ethiopia. London, 1958, p. 87.

Совершенно логично, что в итало-эфиопской войне 1895–1896 гг. симпатии России были на стороне сражавшейся за свою независимость Эфиопии. Тем более что в роли захватчика выступала союзница Великобритании, последняя же в конце XIX в. являлась главным соперником России в различных частях мира. В декабре 1895 г. в качестве военной помощи Россия отправила в дар Менелику 30 тыс. винтовок и 5 млн патронов. К несчастью для эфиопов, голландский пароход, перевозивший оружие, был задержан итальянцами неподалеку от Массауа и в ходе войны оно использовано не было.

Поскольку собственных корреспондентов в районах боевых действий у России не было, газеты перепечатавали материалы западноевропейской прессы. Русские военные специалисты отмечали удачную тактику эфиопских воинов. Практически война свелась к трем сражениям, где победа была на стороне эфиопского оружия. Победа в последнем сражении при Адуа, закончившемся полным разгромом итальянской армии, положила конец всей войне. В России сообщение об этом вызвало ликование и еще больше усилило интерес к африканской стране, впервые в истории колониального раздела континента сумевшей на поле боя отстоять свою политическую независимость и территориальную целостность.

По частной инициативе в России развернулся сбор средств в помощь раненым эфиопам. После опубликования в газетах информации о принятом 10 марта 1896 г. на заседании главного управления Российского общества Красного Креста решение об отправке в Эфиопию санитарного отряда, о своем желании отправиться в Эфиопию для оказания медицинской помощи изъявили тысячи медиков. Был сформирован отряд из 61 человека во главе с генерал-майором Н. К. Шведовым. Русские врачи проработали в Эфиопии почти полгода, медицинскую помощь получили около 30 тыс. пациентов¹⁸. В письме в адрес Российского Красного Креста Менелик отмечал, что «русское государство в отличие от всех других объявило в знак прежней дружбы о посылке врачей для нас... Работа, проделанная... врачами... видна в нашей стране для всех. Мы надеемся, что начато этим в Эфиопии дело христианского милосердия будет вечно жить и укрепляться... Да крепнет в веках дружба наших обоих государств»¹⁹. Важно отметить, что раньше процесс сближения обеих стран проходил на уровне правительств, не затрагивая простой люд (прежде всего это касается Эфиопии). Теперь же тысячи простых эфиопов на собственном опыте убедились в симпатии и расположении к их стране России.

Непосредственным результатом стабильного укрепления русско-эфиопских связей явилось установление в конце 1897 г. дипломатических отношений на уровне миссий. Правда, со стороны Эфиопии не последовало создания своей дипломатической миссии в Петербурге. Для Менелика важным было официально оформить отношения с Россией и заполучить русских дипломатов в Аддис-Абебу.

В конце того же 1897 г. русская дипломатическая миссия отправилась в Аддис-Абебу. Ее возглавил действительный статский советник П. М. Власов, бывший генеральный консул России в Мешхеде (Персия), а до этого служивший по дипломатической линии в Иерусалиме. В состав дипломатической миссии вошли также титулярный советник А. А. Орлов, полковник Генерального штаба Л. К. Артамонов, поручики — А. К. Булатович, Г. Г. Чертков, Ю. В. Коховский, В. С. Давыдов и К. Н. Арнольди. Медицинскую часть миссии составили врачи — М. И. Лебединский, Н. П. Бровцын и П. В. Щусев, фармацевт Б. П. Лукьянов, классный фельдшер С. Э. Самсон и кандидат на классную должность П. Кузнецов. Миссию сопровождал военный конвой под командованием П. Н. Краснова, тогда еще никому не известного офицера, в будущем,

¹⁸ Цыпкин Г. В. Указ. соч.

¹⁹ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 136, л. 31.

в годы революции, атаман Краснов. После возвращения из Эфиопии он опубликовал книгу воспоминаний о пребывании в этой стране²⁰.

Безусловно, установление дипломатических отношений между Россией и Эфиопией было крайне выгодно императору Менелику. Нахождение в его стране дипломатического представительства мощной европейской державы повышало как его собственный престиж, так и престиж его страны. Дипломатических представителей страны, не имевшей в Африке никаких колониальных устремлений, можно было использовать как беспристрастных советников в непростых отношениях с представителями западноевропейских государств, прежде всего Италии, Великобритании и Франции, каждое из которых имело собственные колониальные интересы в Эфиопии. Кроме того, можно было рассчитывать на материальную и финансовую помощь со стороны России.

А Россия, какую пользу она видела в связях с Эфиопией? В инструкции министерства иностранных дел, врученной П. М. Власову накануне отъезда, стоявшие перед ним задачи в целом сводились к двум — быть надежным советником императору Менелику в его взаимоотношениях с западноевропейскими державами и оказывать всяческую поддержку союзнику России — Франции в реализации ее интересов в Эфиопии. Своих собственных серьезных интересов, в отличие от европейских колониальных держав, у России в этой части мира не было.

5 февраля 1898 г. российская дипломатическая миссия торжественно въехала в Аддис-Абебу. Описание пышности встречи, которой эфиопская столица удостоила первых дипломатических представителей, занимает немало страниц в донесении П. М. Власова. Миссии были оказаны почести по самому высшему разряду, в речах русского дипломата и императора Менелика прозвучали все подобающие по этому случаю слова о дружбе между двумя странами. «Блестящий вид состава миссии, молдцеватая и безукоризненная выправка конвоя оной, набранного из полков Императорской гвардии, — писал в своем донесении П. М. Власов, — произвели сильное впечатление как на самого Менелика, так и на всех его сановников. Глаза Негуса, все время устремленные на Миссию, светились радостью, счастливая улыбка не покидала его серьезного и задумчивого лица, ему, видимо, было приятно видеть у себя, в столице Эфиопии, представителей Императорского Правительства и Российской армии»²¹.

Полнее свое отношение к прибытию в его страну дипломатической миссии из России Менелик высказал П. М. Власову лично во время первой аудиенции. После того, как русский дипломат подчеркнул готовность России поддерживать императора во всех его начинаниях, направленных на укрепление эфиопской государственности и территориальной целостности, Менелик доверительно заявил: «Я вполне и глубоко верю в искренность дружбы ко мне Императора и Его Правительства и в бескорыстие целей России по отношению к бедной Эфиопии; оружие, подаренное мне в такое критическое для страны моей время, как война с Италией, присылка отряда Красного Креста для оказания помощи раненым абиссинцам, последовавшая за войной этой; наконец, новый дар Государя Императора в виде 30000 ружей и патронов, находящихся в пути, все эти факты говорят сами за себя и не требуют доказательств... я охотно готов оказать Вам полное доверие и следовать Вашим советам, где в силах буду выполнять оные. Эфиопия, как страна нищая духом и телом, не может, к прискорбию ее, предложить могущественной и богатой России ничего другого, кроме братской дружбы, преданности и доверия к ней, и Вы можете вполне рассчитывать на таковые и испытать ее в том»²².

А как в самой Эфиопии, население страны много ли знало о России, интересовало ли эфиопское общество, что это за страна и что в ней происходит? С полным

---

²⁰ Краснов П. Н. Казаки в Абиссинии: дневник начальника конвоя Российской императорской миссии в Абиссинии. СПб., 1900.

²¹ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 142, л. 3—15.

²² Там же, л. 24—41.

основанием можно утверждать, что уровень знания о России в этой стране практически был близок к нулю, как, впрочем, и об остальных странах мира. Подавляющую часть населения составляли безграмотные крестьяне, полностью отсутствовали средства массовой информации, вести из окружающего мира сюда не доходили. Редкую информацию люди получали лишь во время церковных служб от священнослужителей, которые по своему интеллектуальному уровню мало чем отличались от своей паствы.

Можно сказать, что все, что предпринималось в Эфиопии для сближения с Россией, реализовывалось лично императором Менеликом и его ближайшим окружением. Впрочем, и все реформы, предпринятые эфиопским монархом, чаще всего ограничивались пределами Аддис-Абебы, а зачастую лишь императорского двора. В этом отношении интерес представляет заключительная часть отчета П. М. Власова о торжественном приеме русской дипломатической миссии императором: «Заканчивая настоящую записку, остается еще констатировать знаменательный факт — полнейшего равнодушия, чтобы не сказать более, со стороны населения Абиссинии, проявленного к России, как и проявляемого ранее к прочим европейцам; население это не только не принимало никакого участия в торжестве въезда Русской Миссии в столицу и в радости, выказанной его Императором видеть ее у себя, но даже не интересовалось торжественностью обстановки ее прибытия; встречавшийся по пути процессии народ даже не приостанавливался на минуту, чтобы бросить хотя бы беглый взгляд на редко виданное зрелище, а напротив, проходил мимо, не проявляя никакого интереса; с таким же равнодушием относились к процессии и обитатели домов, расположенных по дороге.

В факте этом нельзя не усмотреть как сознание чрезмерной национальной гордости среди абиссинцев, сильно повысившейся во время последней, столь удачной для Абиссинии войны с Италией, так и врожденного и выработанного ходом вековых событий ее истории презрения к белой расе»²³.

После года пребывания на своем посту и достаточно полно представляя эфиопские политические реалии, уже сам П. М. Власов попытался конкретизировать интересы и задачи русской дипломатической миссии в Аддис-Абебе. Главным было обеспечение политической независимости и территориальной целостности: «Недопущение ни одной из соседних Эфиопии по колониям держав, в том числе и Франции, брать там над прочими перевес как в смысле политическом, так и всякого другого влияния, для чего, не касаясь самим до ломки ее государственного строя и учреждений, народного быта, устройства и духа ее армии, отстраняя всякие попытки направленные к тому же со стороны ее соседей или других европейских держав задачей охранять таковые в полной их неприкосновенности на основах, созданных многовековой ее историей»²⁴.

Период пребывания П. М. Власова на посту руководителя русской дипломатической миссии в Аддис-Абебе (1898–1900 гг.) с полным основанием можно считать «золотым веком» в истории русско-эфиопских отношений. Менелик, видя в русском дипломате опытного и благожелательно настроенного к Эфиопии человека, не упускал возможности советоваться с ним в отношении действий дипломатов западноевропейских стран, аккредитованных в эфиопской столице. Помимо прочего, как и любой другой восточный правитель, эфиопский монарх стремился получить как можно больше подарков от европейцев, находящихся в его владениях. Порой его желания выходили за рамки политических и финансовых возможностей России. Так, спустя всего неделю после прибытия русской дипломатической миссии в Аддис-Абебу император обратился к П. М. Власову с просьбой о присылке ему из России нескольких речных канонерок с экипажами, в чем ему незадолго до этого отказали французы. Русскому дипломату пришлось немало потрудиться, чтобы тактично убедить

²³ Там же, л. 15.

²⁴ Там же, л. 234–238.

Менелика в невозможности выполнить его просьбу. Финансовое положение России не позволяло откликаться на нередкие обращения Менелика о финансовой помощи, что создавало для Власова определенные трудности в общении с императором²⁵.

В то же время глава русской миссии делал все, что было в его силах и не требовало дополнительных финансовых средств со стороны России. Он с охотностью откликнулся на просьбу Менелика разрешить прикомандированным к миссии офицерам Л. К. Артамонову, А. К. Булатовичу и Г. Г. Черткову принять участие в военных экспедициях эфиопских войск с целью присоединения к Эфиопии соседних «ничейных» областей. Военное образование и опыт этих офицеров, ставших по сути советниками эфиопских военачальников, во многом способствовали успешному выполнению поставленных задач. Свое участие в походе армии раса Уольдэ-Гийоргиса А. К. Булатович подробно описал в одной из книг²⁶.

Внимания заслуживает и деятельность А. К. Булатовича в укреплении западных границ Эфиопии. В 1899 г., когда на судано-эфиопской границе возникла напряженность между Англией и Эфиопией, чреватая возможным вторжением британских войск, Менелик попросил Булатовича составить карту западной части страны. Русский офицер блестяще выполнил поставленную перед ним задачу. Его отчет о состоянии дел на западных границах Эфиопии незамедлительно был переведен на амхарский язык и представлен Менелику. Помимо вопросов чисто стратегических отчет содержал целый ряд предложений, направленных на усиление централизации страны.

В целом же проводимая Россией по отношению к Эфиопии политика способствовала тому, что порой даже наиболее консервативные и с недоверием относившиеся к любой европейской державе влиятельные люди страны стали иначе воспринимать русских. Росло число высших сановников эфиопского государства, обращавшихся в русскую миссию за советом или консультацией. Среди них супруга Менелика императрица Таиту, рас Мэконнын, правитель Годжама ныгус Тэкле-Хайманот и др. Что же касается самого Менелика, то он не раз подчеркивал свое расположение к России перед другими европейскими дипломатами.

Вместе с тем деятельность русской дипломатической миссии осуществлялась в условиях нарастающего противодействия европейских колониальных держав укреплению влияния России в Эфиопии. Как ни странно, но наибольшую активность в этом отношении проявляла союзница России Франция, больше других преуспевшая в Эфиопии и поэтому более ревнивая к возможному конкуренту. Страх утратить свое привилегированное положение при эфиопском монархе, опасение, что Россия примет усилия для укрепления своих позиций, сквозили во всех действиях французских дипломатов.

Так, по воле французского дипломатического представителя в Эфиопии Лагарда миссия Власова, следовавшая через французскую колонию Джибути, была задержана примерно на месяц. Тот же Лагард после каждой встречи Власова с Менеликом требовал от императора информацию о содержании состоявшейся беседы. Когда у императрицы Таиту начались отеки ног, французский дипломат постарался, чтобы ее лечили не русские, а французские врачи²⁷. Стремясь подорвать авторитет России, итальянский посол распространял при дворе слухи о ее слабости и неспособности помочь Эфиопии в трудную минуту. И подобных примеров было немало. Вследствие чего часть эфиопской верхушки, в их числе и глава эфиопской церкви, либо подкупленный, либо дезинформированный западными дипломатами, занимала по отношению к России довольно сдержанную позицию.

²⁵ Подробнее см. *Хренков А. В.* Очерки истории..., с. 23.

²⁶ *Булатович А. К.* С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа. СПб., 1900.

²⁷ *Васин И. И.* Политика капиталистических держав в Эфиопии (80–90 годы XIX века). М., 1974, с. 210.

Усилиям западных дипломатов по дискредитации России в значительной степени содействовал и исход русско-японской войны 1904–1905 гг. Поражение России пагубно отразилось на ее престиже, эфиопская правящая верхушка стала сомневаться, так ли могущественна держава, побежденная маленьким азиатским государством.

«Стоя на страже своих политических интересов, — писал А. Кохановский, врач русской дипломатической миссии, одно время исполнявший обязанности временного поверенного в делах, — европейцы всячески старались дискредитировать в Абиссинии русское имя... После Русско-японской войны абиссинцев уверили, будто русских так много убили на войне, что они теперь стали маленьким народом... На заседании Абиссинско-европейского комитета по поводу покупки у японцев русских ружей одним европейцем было сказано: “Хотите, мы привезем вам не только ружья, но и русские мундиры”. Я могу напомнить из прошлого отказ Менелика II под влиянием европейцев от русского топографа, которого он сам просил прислать из Петербурга. “Ведь этот офицер уже делал съемку Маньчжурии, которую русские потом захватили”, — сказал Менелику один европейский представитель. Это так напугало суеверного абиссинца, что он, вернув топографа с дороги, позже обращался к топографам нерусской национальности. Таких случаев было немало; немало и таких, которые не могут быть здесь упомянуты. Вот как смотрят на Россию и ее возможную роль в Эфиопии абиссинцы и европейцы»²⁸.

После отъезда в 1900 г. из Аддис-Абебы П. М. Власова, пользовавшегося расположением эфиопского монарха, периодически руководство миссией осуществляли на протяжении ряда лет временные поверенные из числа сотрудников миссии, одно время даже ее врач, уже упоминавшийся А. Кохановский. Это, безусловно, понижало уровень русского дипломатического представительства по сравнению с посольствами западноевропейских государств и делало его менее авторитетным в глазах эфиопов.

В последующие годы официальные связи между Россией и Эфиопией практически сошли на нет. И дело было не только в исходе русско-японской войны. Все больше стала сказываться незаинтересованность российского правительства в африканских делах, определившая место Эфиопии на периферии политических интересов России, что обусловило неактивный и относительно вялый характер русского присутствия в этой стране. Из всех великих держав Россия, имея на это, может, больше оснований, чем любая другая европейская страна, так и не заключила с Эфиопией договора, обеспечивавшего ей режим наибольшего благоприятствования. Также между обеими странами не было заключено договора о дружбе и торговле. Отсутствие у МИД России четкой линии в отношении Эфиопии объяснялось помимо прочего финансово-экономической неконкурентоспособностью России по сравнению с ее основными соперниками и необходимостью сосредотачивать усилия в районах жизненно важных государственных интересов в тот период — в Европе, Дальнем и Ближнем Востоке. Кроме того, став в 1907 г. членом Антанты, т.е. союзником Великобритании, Россия в значительной степени потеряла в глазах эфиопского правительства роль политического противовеса этой державы. Таким образом, «возможности и потребности русской дипломатии сотрудничать с Эфиопией для ведения совместной борьбы с Англией... окончательно свелись к нулю после вступления России в Антанту в 1907 г.»²⁹

Дальнейшее падение в России интереса к Эфиопии все чаще стало находить отражение в критических материалах прессы, а также в донесениях сотрудников русской дипломатической миссии в Аддис-Абебе. Наиболее резкая оценка содержалась в аналитической записке секретаря миссии Б. Н. Евреинова, который, сопоставив расходы на содержание миссии и полученные результаты ее деятельности, пришел к неутешительному выводу о нецелесообразности дальнейшего пребывания русских дипломатов

²⁸ Цит. по *Кохановский А.* Император Менелик и современная Абиссиния. [Б.м., б.г.], машинопись, с. 44–45.

²⁹ *Ханов А. А.* Некоторые моменты из истории Африканского Рога на рубеже XIX и XX вв. (по архивным материалам). — Эфиопские исследования. М., 1981, с. 68.

в Аддис-Абебе³⁰. Тщательно подсчитав все расходы, идущие на содержание миссии каждый год, которые составляли 65–70 тыс. рублей, он с горечью пишет: «И если обратить внимание, что из этой суммы 19 000 тратятся на оказание бесплатной медицинской помощи населению Аддис-Абебы в то самое время, когда в самой России не только в деревнях, но и в крупных центрах ощущается недостаток в больницах для немущего русского населения, невольно возникает вопрос, стоит ли получаемые нами выгоды от оказания столь великодушной помощи чуждому и, как всегда бывает, неблагодарному населению Абиссинии той сравнительно крупной суммы, которая на нее тратится»³¹.

В 1906–1908 гг. в условиях истощения государственной казны III Государственная дума приняла ряд решений о значительном сокращении бюджета Министерства иностранных дел, что привело к закрытию или сокращению российских дипломатических представительств в странах, находившихся на периферии государственных интересов России.

Судя по всему, вопрос о перспективах русского присутствия в Эфиопии стал предметом серьезного рассмотрения в МИД. Мнение внешнеполитического ведомства содержалось во всеподданнейшей записке на имя императора Николая II, в которой подчеркивалась необходимость сохранить миссию в Аддис-Абебе, ибо в противном случае это могло быть истолковано «как умаление роли России как великой державы, естественно принимающей участие в решении всех мировых вопросов. Уже по этой причине упразднение Миссии... не может быть признано удобным»³².

Позиция внешнеполитического ведомства нашла поддержку у царя, и дипломатическая миссия в Аддис-Абебе продолжила свою деятельность, хотя число ее сотрудников было сокращено, а объем ее деятельности уменьшился. Можно сказать, что Россия как великая держава просто-напросто демонстрировала свой флаг в Тропической Африке.

Несмотря на взаимное ослабление интереса России к Эфиопии, равно как и Эфиопии к России, а затем и смену режима в нашей стране в 1917 г., русская дипломатическая миссия в Аддис-Абебе просуществовала до 1919 г. В этом году с целью оплатить свой отъезд во Францию исполнявший в то время обязанности главы миссии Н. И. Виноградов заложил здание миссии эфиопскому правительству. Таким образом, спустя 20 лет после установления были окончательно прерваны отношения между императорской Россией и Эфиопией.

---

³⁰ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 170, л. 92–95.

³¹ Там же.

³² АВПРИ, ф. Канцелярия, 1906, д. 1, л. 155.